

Р. Ю. Почекаев
**ДОГОВОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
С ХИВИНСКИМ ХАНСТВОМ И БУХАРСКИМ ЭМИРАТОМ 1873 г.:
ОПЫТ ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177

УДК 94(47)“1873”

ББК 63.3(2)522-69

Статья посвящена изучению особенностей взаимоотношений Российской империи с Бухарским эмиратом и Хивинским ханством на основе договоров, заключенных российскими властями с местными правителями в 1873 г., которыми, как считается, закреплялся статус этих среднеазиатских государств как российских протекторатов. Автор рассматривает предпосылки заключения этих договоров, проводит сравнительно-правовой анализ русско-хивинского и русско-бухарского договоров, дает формально-юридическую характеристику их формы и содержания. В статье предпринимается попытка объяснить причины включения российскими составителями в договоры определенных положений, которые должны были обеспечивать контроль Российской империей политики ханств в различных сферах, и проанализировать их последующее действие на практике. При этом зачастую эти причины неочевидны, что заставляет автора анализировать не только буквальное содержание («букву»), но и подтекст («дух») обоих документов в контексте развития русско-бухарских и русско-хивинских отношений как до установления протектората, так и после. На основе анализа исторических источников (нормативных и иных официальных документов, свидетельств современников, публицистики рассматриваемого периода) и результатов исследований, проведенных специалистами по среднеазиатской политике Российской империи, автор приходит к выводу, что отношения, выстраиваемые российской администрацией с властями Бухары и Хивы, представляли собой комплекс действий в рамках политики фронтальной модернизации — с учетом особенностей политико-правового и социально-экономического положения ханств, международной ситуации в Центральной Азии, а также противоречий различных властных структур в самой Российской империи.

Ключевые слова: *Российская империя, фронтальная модернизация, Бухарский эмират, Хивинское ханство, протектораты, международные договоры, Большая игра, К. П. фон Кауфман*

На рубеже 1860–1870-х гг. три ханства Средней Азии (Кокандское ханство, Бухарский эмират, Хивинское ханство) в результате продвижения Российской империи в Центральной Азии были вынуждены принять свою зависимость от нее. Кокандское ханство по причине политической нестабильности и антироссийской политики его властных элит было официально упразднено в 1876 г. и преобразовано в Ферганскую область в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то они формально сохраняли независимость, но в течение последней четверти XIX — начала XX в. испытывали все большее влияние России во всех сферах своей государственной и экономической жизни. Таким образом, мож-

но согласиться с мнением, что деятельность российских властей в протекторатах может рассматриваться как специфический вариант фронтальной модернизации.¹

В связи с этим следует отметить, что теория фронтальной модернизации в настоящее время получает все большее распространение в исследовании политики Российской империи в ее азиатских владениях. Ее актуальность во многом обусловлена тем, что ее создатель, чл.-корр. РАН И. В. Побережников, не сводит модернизационные процессы к какой-то единой схеме, а рассматривает особые «региональные вариации» этой политики с учетом специфики осваиваемых регионов, а также периодов времени, в которые осуществлялись процессы модернизации в каждом из них.² В результате в рамках данной теории могут быть проанализ-

Почекаев Роман Юлианович — д.и.н., к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)
E-mail: rpochekaev@hse.ru

¹ См.: Лысенко Ю. А., Гончаров Ю. М. Бухарский эмират и Хивинское ханство во внешней политике Российской империи: опыт фронтальной модернизации // Былые годы. 2017. Т. 46, вып. 4. С. 1482–1485.

² См.: Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72–80.

зированы даже те азиатские регионы, которые обладали весьма специфическим статусом по отношению к Российской империи — в том числе и среднеазиатские ханства, находившиеся во второй половине XIX — начале XX в. под ее протекторатом. Сторонники такой позиции базируют свои выводы на событиях конца XIX — начала XX в., между тем, как представляется, курс на модернизацию Бухары и Хивы был взят уже в процессе разработки и заключения Россией договоров с этими государствами — при формальном, а в ряде аспектов и фактическом сохранении их независимости.

Эта противоречивость во многом объясняется тем, что никакой нормативной базы, закреплявшей статус среднеазиатских протекторатов Российской империи, их права и обязанности, формально не существовало.³ Когда весной-летом 1873 г. армии Туркестанского, Оренбургского и Закавказского военных округов оккупировали Хивинское ханство, 12 августа с его правителем Мухаммад Рахимханом II (годы правления 1864–1910 гг.) был заключен так называемый Гандемианский договор,⁴ в котором также большинство статей было посвящено урегулированию торговых отношений между Россией и Хивой, тогда как условия мира и положения, закреплявшие зависимость ханства от Российской империи, были изложены фактически в 4 пунктах из 18. Заключив договор с Хивинским ханством, российские власти сочли целесообразным использовать часть его условий для уточнения взаимоотношений и с Бухарским эмиратом, который к этому времени все более попадал в военную, политическую и экономическую зависимость от России. В результате 28 сентября того же года с бухарским эмиром Музаффаром (годы правления 1860–1885 гг.) был заключен Шаарский договор о дружбе между Российской империей и Бухарским эмиратом,⁵ которым были уточнены и приведены в большее соответствие с русско-хивинским договором положения мирного договора, заключенного Россией с Бухарой по итогам войны 1868 г.⁶

³ Любопытно отметить, что сам термин «протекторат» применительно к Бухаре и Хиве входит в употребление в научных и публицистических изданиях (как российских, так и зарубежных) не ранее начала XX в., см., напр.: Евреи в Бухаре / пер. А. Гарлицкого из *Revue du monde Musulman* // *Средняя Азия*. 1910. № 2. С. 103; Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1.

⁴ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 179–183.

⁵ См.: Там же. С. 184–187.

⁶ См.: Там же. С. 175, 176. См. также: Логофет Д. Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. С. 35.

Эти документы неоднократно привлекались исследователями истории отношений России со среднеазиатскими ханствами во все периоды изучения (дореволюционный, советский, современный), однако, как правило, рассматривались в общеисторическом контексте, то есть с точки зрения политической истории.⁷ В последнее время они стали привлекать внимание также специалистов по истории международных отношений и истории дипломатии в Центрально-Азиатском регионе.⁸ Таким образом, до сих пор, насколько нам известно, эти договоры рассматривались прежде всего как исторический источник и практически не анализировались в историко-правовом отношении.

В рамках настоящего исследования предпринимается попытка формально-юридического анализа договоров 1873 г., которыми были закреплены изменившиеся отношения России с Бухарой и Хивой. Наша задача — проанализировать форму и содержание этих правовых актов и попытаться ответить на принципиальный вопрос, нашло ли в них отражение фактическое попадание среднеазиатских ханств в вассальную зависимость от Российской империи. Естественно, основными источниками являются сами тексты договоров, кроме того, автор привлекал другие необходимые документы, записки современников и пр., а также учитывал результаты ранее опубликованных научных работ по тематике исследования. Использование соответствующей источниковой базы и результатов ранее проведенных исследований позволило

⁷ См., напр.: Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 286–288; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 295–297, 307–309; Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. Ташкент, 1965. С. 48–52; Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. Победа Бухарской народной революции. Ташкент, 1966. С. 32, 33; Глушенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 164, 210, 211; Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI — начале XX в. СПб., 2010. С. 199–204; Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018. С. 269, 361, 362; Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley, 1960. P. 27, 34; Becker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. Cambridge, 1968. P. 65–80.

⁸ См. подробнее: Ковальская С. И. Дипломатические институты в Центрально-Азиатском регионе в XVIII–XIX веках: к историографии вопроса // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.*: сборник научных трудов международного семинара. М., 2019. С. 199, 200.

автору прояснить не только «букву», но и «дух» этих договоров, проанализировав причины включения в них тех или иных положений, а также в ряде случаев выявив цели, которые преследовали составители документов, включая в них соответствующие пункты. Все это, как представляется, дает возможность понять специфику организации российской системы контроля над протекторатами как одну из «региональных вариаций» российской политики фронтальной модернизации в имперский период.

Активизация военных действий Российской империи в Средней Азии, завершившихся в конце концов признанием зависимости от России сначала Коканда и Бухары (1868), а затем и Хивы (1873), по-разному объяснялась исследователями. В качестве причин назывались желание Российской империи компенсировать территориальные, а главное — моральные потери после Крымской войны 1853–1856 гг., еще более популярным объяснением является противостояние России и Англии в Центральной Азии, известное под названием «Большой игры».⁹ Однако, на наш взгляд, нельзя сбрасывать со счетов и традиционные экономические интересы России в этом регионе.

В отличие от Казахской степи, пространство которой уже с момента первых контактов в конце XVI в. рассматривалось Российским государством (тогда еще Московским царством) как сфера его интересов и объект интеграции в российское политико-правовое пространство, ханства Средней Азии изначально, с середины XVI в., интересовали российские власти не столько как потенциальные вассальные территории, сколько как торговые партнеры.¹⁰ Именно в таком ключе осуществлялись контакты России с Бухарой и Хивой, прерываясь взаимными нападениями. В особенности это было характерно для русско-хивинских отношений, которые характеризовались многочисленными набегами кочевых подданных ханов Хивы и ответными российскими акциями, в том числе и такими масштабными, как амби-

циозный проект Петра I по присоединению Хивы (закончившийся гибелью отряда А. Бекевича-Черкасского в 1717 г.), неудачным походом на Хиву оренбургского военного губернатора В. А. Перовского зимой 1839/1840 гг. и др.¹¹ При этом одним из важнейших предметов интереса российских торговцев и промышленников (равно как и имперских властей) в Средней Азии и в частности в ханствах являлся хлопок. Потребность в нем особенно возросла после того, как в США, до этого времени являвшихся основным поставщиком хлопка для России, началась Гражданская война, завершившаяся победой Севера и «реконструкцией» Юга, что привело к вполне закономерному снижению поставки этого сырья в Европу и Россию. Соответственно, ресурсов тех среднеазиатских владений, которые непосредственно вошли в состав России в 1850–1860-е гг. для наполнения российского рынка хлопка не хватало, поэтому потребность в нем можно считать одним из существенных факторов российской экономической политики в протекторатах.¹²

Как мы убедимся ниже, именно на укрепление позиций российских торговцев и промышленников была в значительной степени направлена политика империи в Бухаре и Хиве в рассматриваемый период, о чем свидетельствуют и договоры России с этими ханствами. Тем не менее именно содержание этих договоров создало административные и правовые основы для влияния России не только на экономические аспекты отношений с ханствами, затронув все основные сферы их государственной, правовой, общественной и даже культурной жизни.

Особенности обстоятельств заключения договоров с каждым из среднеазиатских государств нашли отражение уже в их названии. Так, Гандеманский договор с Хивинским ханством от 12 августа 1873 г. официально именовался «Условия мира России с Хивой, предложенные командующим войсками, действующими против Хивы, генерал-адъютантом фон Кауфманом 1-м и принятые Хивин-

⁹ См., напр.: Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 221–238.

¹⁰ Правда, в начале 1620-х гг. московские дипломаты вели переговоры с одним из хивинских султанов, Агван-Мухаммадом, который в обмен на поддержку в занятии трона обещал признать себя вассалом царя Михаила Федоровича. Однако дальше переговоров дело не пошло, а вскоре Агван-Мухаммад, спасаясь от собственных братьев, бежал из Хивы и нашел убежище в российских пределах, см.: Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877. С. 132.

¹¹ См., напр.: Аллаева Н. А. История внешних связей Хивинского ханства в XVI — 70-х годах XIX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2019. С. 67; Асанова С. А. Оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин и его взгляд на перспективы взаимодействия в киргизско-туркменском пограничье // X Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей научно-практической конференции. Оренбург, 2020. Т. 1. С. 68–70.

¹² См.: Массальский В. И. Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее. СПб., 1892. С. 9–10.

ским ханом Мухамед-Рахим-Богадур-ханом». В то же время Шаарский договор с Бухарским эмиратом от 28 сентября 1873 г. носил название «Договор о дружбе, заключенный между Россией и Бухарой».¹³

В содержании же обоих договоров обстоятельства, при которых они были заключены, также нашли некоторое отражение. В Гандемианском договоре имеется обширная преамбула, которая, собственно, и содержит описание событий похода на Хиву, в результате чего К. П. фон Кауфман «овладел всем ханством», а хан, чтобы сохранить свои владения, был вынужден прибыть к нему и изъявить «полную и чистосердечную свою готовность на исполнение всех требований и на принятие всяких условий, которые будут ему предложены командующим войском». Первые несколько пунктов договора закрепляли результаты победы российских войск: хан признавал себя «покорным слугой императора всероссийского», отказываясь от самостоятельных контактов с соседними правителями и сохраняя право войны с ними лишь с разрешения российских властей (п. 1); пп. 2 и 3 закрепляли фактический переход правого берега Амударьи в состав Российской империи. Также п. 18 договора предусматривал выплату Хивой в пользу России контрибуции в размере 2 млн 200 тыс. руб. и порядок этой выплаты. Фактически лишь эти четыре пункта и отражали тот факт, что договор был заключен после окончания боевых действий, а не в результате чисто дипломатических переговоров. Взамен же туркестанский генерал-губернатор, согласно преамбуле, оказывал хану содействие в укреплении его власти в ханстве, в частности путем вооруженной экспедиции против многочисленных и непокорных туркменских племен, ранее нередко лишь номинально признававших подданство хивинских ханов. Таким образом, де-факто речь шла именно о протекторате с взаимными правами и обязательствами сторон договора, однако само это понятие ни разу не фигурирует в документе.

¹³ Любопытно отметить, впрочем, что и первый русско-бухарский договор от 11 мая 1868 г., заключенный после победы России над эмиратом, тем не менее не отражал этого факта, поскольку назывался «Условия о торговле, заключенные между Россией и Бухарским ханством». Лишь в секретных дополнениях к этому договору он фигурирует как «условия мира» и, подобно Гандемианскому договору с Хивой, содержит положения о переходе части владений эмира в состав Российской империи и уплате им российским властям контрибуции, см., напр.: Жуковский С. В. Указ. соч. С. 176–178.

В Шаарском же договоре с Бухарой, которая в период похода на Хиву занимала пророссийскую позицию, события этого похода нашли отражение в ст. 1 и 2, которыми пересматривались границы Бухары с Хивой и передача эмирату некоторых территорий, ранее принадлежавших Хивинскому ханству (что прежде уже было предусмотрено п. 4 Гандемианского договора). Нет сомнений, что подобное решение диктовалось не только благодарностью России за лояльность Бухары во время похода 1873 г., но и стремлением «вбить клин» между двумя ханствами, чтобы не допустить их сговора против России. Напряженные отношения Бухары и Хивы, по-видимому, стали в глазах имперской администрации достаточной гарантией лояльности эмира императору, поэтому никаких дополнительных пунктов, закрепляющих его подчиненный статус по отношению к Российской империи, в договор не вошло. Более того, ст. 15–16 Шаарского договора предусматривали пребывание «постоянного посланца» Бухары в Ташкенте и, соответственно, «постоянного представителя» России в Бухаре, то есть, опять же подчеркивали независимый международно-правовой статус эмира.

Однако немаловажной деталью является тот факт, что с российской стороны оба договора были подписаны К. П. фон Кауфманом — туркестанским генерал-губернатором, тогда как со стороны ханств их подписали сами монархи. Хорошо известно, что Кауфман (фигурирующий в среднеазиатской историографической традиции как «ярым-падшо», то есть «полупадашах», а в российских исследованиях порой характеризующийся как «вице-король»)¹⁴ имел весьма широкие полномочия по управлению вверенным ему краем, включая право самостоятельных внешних сношений с соседними государствами и ведения против них в случае необходимости военных действий. Однако при этом он все же оставался всего лишь главой региональной администрации, то есть формально обладал более низким статусом, чем бухарский эмир и хивинский хан, самостоятельность государств которых постоянно демонстративно подчеркивалась и самими же российскими властями. Таким образом,

¹⁴ См., напр.: Васильев Д. В. Устроитель Туркестанского края (к биографии К. П. фон-Кауфмана) // Сборник Русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 49–54; Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 107.

закключая договор со среднеазиатскими монархами, Кауфман изначально демонстрировал их неравное, подчиненное по отношению к России положение.¹⁵ Безусловно, подписание договоров с иностранными державами руководителем региональной администрации не следует считать уникальным случаем: нам известны и другие подобные примеры: в частности, русско-китайский Айгунский договор 1858 г. с российской стороны был подписан генерал-губернатором Восточной Сибири графом Н. Н. Муравьевым-Амурским. Однако стоит обратить внимание, что и с китайской стороны его подписал не глава государства, а амурский главнокомандующий, «придворный вельможа» И. Шань.¹⁶ Таким образом, формальное неравноправие сторон при подписании договоров 1873 г. является очевидным.

Основное содержание договоров 1873 г. посвящено регулированию именно экономических отношений России с Бухарой и Хивой, обеспечению условий эффективной и взаимовыгодной торговли, правовому статусу российских торговцев в ханствах, механизмам разрешения споров между подданными империи и ханств и т. д.

П. 5–6 Гандемиянского и ст. 3–4 Шаарского договоров, наконец, поставили точку в многолетних усилиях имперских властей обеспечить право свободного плаванья судов (причем «как правительственных, так и частных», то есть и торговых, и, в случае необходимости, военных) по Амударье. Помимо собственно прохода судов российским компаниям гарантировалось право строительства на берегу в бухарских и хивинских владениях пристаней и складов, которые находились под охраной среднеазиатских властей.

Следующие положения обоих договоров предусматривали аналогичный «режим наибольшего благоприятствования» и для российских торговцев, добравшихся до ханств по суше: п. 7–8 Гандемиянского и ст. 5, 8 Шаарского договоров представляли им право свободного перемещения по территории ханств

и возведения в них своих факторий, магазинов, караван-сараев и пр.; охрана их также возлагалась на местных правителей. «Свобода» перемещения означала многочисленные налоговые льготы для российских торговцев, также нашедшие отражение в договорах. Так, п. 9 Гандемиянского договора освобождал русских торговцев от уплаты закята (торгового налога) в Хиве и «всякого рода торговых повинностей»,¹⁷ а п. 10 — от транзитных пошлин при провозе товаров через ханство. В Бухарском же эмирате, согласно Шаарскому договору, российские торговцы должны были уплачивать закят в размере 1/40 стоимости товара (что составляло размер данного налога, взимавшегося с мусульман согласно нормам шариата), освобождаясь от других торговых пошлин, включая транзитные (ст. 6, 7).

Российские подданные получали право приобретения недвижимости в Хиве и Бухаре, однако, согласно п. 12 Гандемиянского и ст. 12 Шаарского договоров, в этом случае они должны были платить все полагающиеся налоги и сборы. Правда, в Хиве и в данном пункте нашел отражение тот факт, что она была побеждена Россией: ставка подати с земли и другой недвижимости определялась «по соглашению с высшей русской властью в Средней Азии», тогда как в Бухаре с русских владельцев взимались сборы «наравне с имуществом бухарских подданных».

Несмотря на то что массовых переселений российских подданных в протектораты не произошло (да и не допускалось на законодательном уровне), думаем, что не ошибемся, если увидим в этих положениях проявление характерного для российской фронтальной модернизации «освоенческого синдрома».¹⁸ Как известно, в дальнейшем представители российских военных и дипломатических структур, а также предпринимательских кругов, пребывавшие на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства, много сделали для повышения социально-экономического, правового и культурного уровня местных властей и населения.¹⁹

¹⁵ В дальнейшем к хивинскому хану обращались сначала «ваше степенство», затем — «ваша светлость». Бухарский эмир с момента признания российского протектората и до начала XX в. последовательно титуловался «степенством», «светлостью» и, наконец, «высочеством». Таким образом, правители протекторатов все же не приравнивались к «величествам», правившим в других независимых от России государствах.

¹⁶ См.: Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. № 9. С. 29.

¹⁷ Впрочем, аналогичной льготой, согласно тому же пункту договора, пользовались и хивинские торговцы в российских владениях.

¹⁸ См.: Побережников И. В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // *Цивилизация*. М., 2015. Вып. 10. С. 182.

¹⁹ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Российский фактор правового развития Средней Азии: 1717–1917 (юридические аспекты фронтальной модернизации). М., 2020. С. 106–164.

Аналогичным образом еще несколько положений Гандемианского и Шаарского договоров отражали менее выгодное положение Хивы по сравнению с Бухарой в торговых отношениях с Россией. Так, п. 14 Гандемианского договора предусматривал приоритет российских истцов перед хивинскими — при определении очередности как рассмотрения споров ханскими властями, так и удовлетворения долговых требований. А п. 15 договора закреплял подсудность российских подданных (даже если они действовали в ханстве, и иск подавали их хивинские контрагенты) за «ближайшим русским начальством».²⁰ Кроме того, ст. 13 Шаарского договора предусматривала, что всеми льготами в Бухарском эмирате могут пользоваться только те российские торговцы, которые приезжают в Бухару с «выданными им от русского начальства билетами на свободный проезд за границу», то есть аналогом современного загранпаспорта. В Хиве же такого требования не было, и, соответственно, любой русский подданный даже без специального документа имел преимущества в торговле и отношениях с местными партнерами.

П. 11 Гандемианского и ст. 9 Шаарского договоров предоставляли право иметь торговых агентов в ханствах. Сразу же стоит обратить внимание, что речь шла вовсе не об официальных «торгпредах» России по линии официальных имперских властных структур со статусом дипломатических представителей (как это было прописано, например, в договоре Британской империи с государством Йэтишар в 1874 г.),²¹ а именно о сотрудниках торговых фирм. В связи с этим стоит отметить, что в середине 1870-х гг. в Бухаре и Хиве постоянно находилось не более двух-трех представителей российских торговых фирм, а уже через 10–

15 лет в ханствах действовали многочисленные представительства российских банков и крупных торговых фирм.²²

Весьма любопытное положение содержалось в п. 13 Гандемианского договора, согласно которому «торговые обязательства между русскими и хивинцами должны быть исполняемы свято и нерушимо как с той, так и с другой стороны» (аналогичное было и в ст. 10 Шаарского договора). Оно отражало столь привычную в современном гражданском праве презумпцию добросовестности исполнения договора, которая, однако, весьма своеобразно понималась среднеазиатскими мусульманскими торговцами: надуть «неверного» партнера для них считалось не то что не нарушением договора, а еще и предметом гордости.²³ Соответственно, понадобилось специально подчеркнуть эту гражданско-правовую презумпцию в межгосударственных актах публично-правового характера, тем самым намекая на то, что имперские власти имеют возможности обеспечить ее соблюдение в ханствах.

П. 16 Гандемианского и ст. 14 Шаарского договора предусматривали отказ ханств в предоставлении убежища преступникам из числа подданных Российской империи, равно как и другим лицам, «являющимся без дозволительного на то вида от русской власти».²⁴ Среднеазиатские власти обязывались задерживать таковых и доставлять «ближайшему русскому начальству». Эти положения в общем соответствовали международному принципу выдачи преступников, который сегодня реализуется на основе взаимности, тогда как аналогичных обязательств российских властей в отношении выходцев из Бухары и Хивы договоры 1873 г. не предусматривали. Можно было бы углядеть и в этом положении проявление неравноправия сторон в договорах. Однако исторически сложилось так, что именно среднеазиатские ханства чаще предоставляли убежище беглецам из российских владений, а не наоборот, поэтому включение подобного пункта (статьи) в договоры предоставлялось обоснованным не столько с международно-правовой точки зрения, сколько как отражение реалий в отношениях России с Бухарой и Хивой.

²⁰ Таковым являлся начальник Амударьинского военного отдела, управлявший на правах военного губернатора землями, отторгнутыми от Хивы по итогам похода 1783 г. и подчинявшийся непосредственно туркестанскому генерал-губернатору, см.: Временное положение об управлении Аму-Дарьинским округом от 26 августа 1873 г. // Туркестанский сборник. 1873. Т. 72. С. 50. См. подробнее: Тухтаметов Т. Г. Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значения для Хорезмского оазиса). Нукус, 1977. С. 58, 59; Почекаев Р. Ю. Эволюция роли начальника Амударьинского военного отдела в русско-хивинских отношениях последней четверти XIX — начала XX вв. // Вопросы правоведения. 2015. № 6 (34). С. 299–321.

²¹ См.: Copy of the treaty of commerce lately concluded with the Amir of Kashgar, 22 June 1874 // Туркестанский сборник. 1883. Т. 307. Art. 6–8. С. 316. См. также: Почекаев Р. Ю. Соглашения Российской и Британской империй с Йэтишаром: историко-правовое исследование // Вестник РУДН. Юридические науки. 2021. Т. 25, № 3. С. 537.

²² См.: Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. London, 1889. P. 189, 190.

²³ См.: Петровский Н. Ф. Моя поездка в Бухару // Вестник Европы. 1873. Т. 60, № 2. С. 239; Стремоухов Н. П. Поездка в Бухару (извлечение из дневника) // Русский вестник. 1875. Т. 117, № 6. С. 667.

²⁴ Из текста договоров не вполне понятно, идет речь о вышеупомянутых «билетах» или же иных документах.

Проанализированные выше условия были взаимовыгодны для России и среднеазиатских ханств, поэтому их реализация впоследствии оказалась достаточно эффективной. Однако далеко не столь оперативно действовали монархи Бухары и Хивы, претворяя в жизнь условия, которые в одностороннем порядке ограничивали их прежнее положение и образ жизни. Одним из важнейших последствий заключения договоров в социальной сфере стала отмена рабства, предусмотренная п. 17 договора с Хивой и ст. 17 договора с Бухарой и встретившая бурное одобрение со стороны не только российской, но и европейской общественности.²⁵ Однако на практике этот процесс затянулся на долгие годы. Российские и иностранные путешественники свидетельствуют, что формально работорговля была под запретом, но фактически она была по-прежнему распространена в ханствах, особенно в Бухарском эмирате, где и сам эмир за ее счет пополнял свой гарем.²⁶ Соответственно, представителям русских властей приходилось собственными действиями подталкивать бухарские власти к выполнению этого обязательства: известно, что они выкупали пленников и освобождали их.²⁷ Достаточно сказать, что официальный указ эмира о запрете работорговли был издан лишь в 1886 г., вскоре после вступления на престол нового Бухарского монарха Абдул-Ахада (правил в 1885–1910 гг.), и то под давлением российских дипломатов.²⁸

Таким образом, два договора 1873 г. являлись основными документами, определявшими взаимоотношения Российской империи с двумя среднеазиатскими ханствами. Формально протекторат России над ними не был провозглашен, лишь отдельные статьи договоров косвенно указывали на подчиненное положение Бухары и Хивы (особенно последней) по отношению к империи. Большинство статей обоих договоров регулировали взаимодействие России со среднеазиатскими ханствами в сфере торговли, то есть именно те отношения, к упорядочению которых стремились импер-

ские власти в течение предыдущего периода взаимоотношений с Бухарой и Хивой.

Неопределенность положения среднеазиатских ханств в договорах давала российским властям своего рода карт-бланш в отношении Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Тем не менее последующие международно-правовые, а порой и внутренние документы (как российского, так и среднеазиатского происхождения) регламентировали лишь отдельные вопросы взаимодействия Российской империи с ханствами Средней Азии.²⁹ Такой подход объяснялся нежеланием российских властей давать иностранным недругам Российской империи (и в первую очередь — Великобритании, главному сопернику России в борьбе за контроль над Центральной Азией в рамках вышеупомянутой Большой игры) поводов для обвинения в захватнической политике.³⁰ В результате, хотя и сами российские власти не скрывали, что контролируют Бухару и Хиву, и иностранцы, побывавшие в этих государствах, также имели возможности убедиться в их вассальном положении, на формально-юридическом уровне Россия не могла быть обвинена в захвате независимых среднеазиатских ханств.³¹ Также следует обратить внимание на то, что протектораты никогда не рассматривались как реальные или потенциальные колонии Российской империи: термин «колония» применялся на рубеже XIX–XX вв. только к российским поселениям на территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства, но не к самим этим государствам.³²

Кроме того, среди представителей властных структур Российской империи (как центральных, так и региональных, то есть в Туркестанском крае, руководство которого непосредственно и осуществляло контакты с новыми протекторатами) не было единства относительно судьбы Бухары и Хивы. Ряд государственных деятелей (в первую очередь руководство военного министерства и подведомственная ему администрация Туркестанского

²⁵ См., напр.: Английская и славянская газеты по поводу уничтожения рабства в Хиве // Туркестанский сборник. 1873. Т. 45. С. 169–174.

²⁶ См., напр.: Гуровский Р. Как исполняется русско-бухарский договор // Туркестанский сборник. Т. 542. Б. г. С. 40; Curzon G. N. Op. cit. P. 160.

²⁷ См., напр.: Чернов О. А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н. В. Чарыкова. Самара, 2010. С. 64–66.

²⁸ См.: [Tcharykov N. V.] Glimpses of High Politics: Through War and Peace, 1855–1929: The Autobiography of N. V. Tcharykov, serf-owner, ambassador, exile. London, 1931. P. 204, 205.

²⁹ См.: Жуковский С. В. Указ. соч. С. 188–199.

³⁰ См.: Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. С. 249–261.

³¹ См., напр.: Bookwalter J. W. Siberia and Central Asia. Springfield, 1899. P. 466; Norman H. All the Russias: Travels and Studies in Contemporary European Russia, Finland, Siberia, the Caucasus, & Central Asia. London, 1902. P. 287; Curtis W. E. Turkestan: the heart of Asia. New York, 1911. P. 122.

³² См.: Г. Б. Наши колонии. Новая Бухара // Нива. 1899. № 13. С. 254–256; Гор. Ургенч, Хивинского ханства (О жизни русского населения города) // Туркестанский сборник. 1907. Т. 437. С. 65, 66.

края) склонялся к целесообразности прямого включения ханств в состав России — с упразднением в них института ханской власти, местной структуры управления, системы права, административного деления. Это было в 1876 г. проделано с Кокандским ханством, которое с 1868 г. являлось российским протекторатом на основании целой серии договоров о дружбе.³³ Их оппоненты (в особенности руководство МИДа и Минфина) возражали против этого, указывая как на возможные международные осложнения, так и на затратность процесса административных преобразований. Их точка зрения возобладала примерно на четверть века — пока уже в первом десятилетии XX в. вновь не был поднят вопрос о прямом включении Бухары и Хивы в состав России.³⁴

Оставляя в качестве правовой основы регламентации отношений с Бухарой и Хивой «торговые договоры», Россия, по сути, была готова в дальнейшем к любому развитию событий в отношении этих государств: как к сохранению их формального суверенитета, так и к дальнейшей интеграции в состав империи — тем более что положительный опыт модернизационной политики имел место в Туркестанском крае, который во многом и состоял из земель, ранее входивших в состав Бухарского эмирата и Хивинского ханства.³⁵ Сохранение системы «косвенного управления», впрочем, в большей степени устраивало российские власти: формат протектората позволял России контролировать политику и экономику эмирата, не принимая при этом на себя никаких обязательств.³⁶ Как отмечали иностранные очевидцы на рубеже XIX–XX вв., русские даже не пытались реформировать систему управления Бухарским эмиратом, поскольку существующая была экономичнее и давала возможности российским властям проводить определенные мероприятия неформально, не встречая противодействия со стороны эмира

и его «министров».³⁷ Интересно отметить, что сохранение системы управления и даже традиционного местного самоуправления в среднеазиатских ханствах вписывалось и в рамки Великих реформ в самой России: так, например, российские чиновники и даже иностранные путешественники проводили параллели между среднеазиатскими аксакалами городов и селений и мировыми институтами, возникшими в России в 1860–1870-е гг.³⁸

Лишь ближе к концу XIX в., убедившись, что Россия не намерена присоединять ханства и, соответственно, низлагать их правителей, а также зная о противоречиях между военным и дипломатическим ведомствами Российской империи, среднеазиатские монархи предприняли попытки пересмотра договоров 1873 г. — причем именно в экономическом аспекте, поскольку неопределенность политических статей их вполне устраивала.³⁹

Таким образом, анализ договоров позволяет сделать вывод о том, что в их содержании достаточно причудливым образом сочетались элементы модернизации и консервации отношений в среднеазиатских ханствах под российским протекторатом. Всячески стремясь повысить уровень взаимодействия представителей местных властей и торговцев с российскими партнерами — вплоть до внедрения ряда «европейских» элементов, имперская администрация практически не вмешивалась во внутренние дела ханств, не предпринимая никаких модернизационных шагов, которые могли бы затронуть основы их властных и правовых отношений, государственную структуру и социально-экономическую систему. Естественно, такое противоречие не могло сохраняться в отношениях России с протекторатами достаточно длительное время, что и привело к необходимости корректировки их взаимодействия путем принятия как дополнительных соглашений с Бухарой и Хивой, так и распространения на них внутреннего законодательства Российской империи — в некоторых случаях и по отдельным направлениям отношений.

³³ См. подробнее: Почекаев Р. Ю. Правовое положение Кокандского ханства под протекторатом Российской империи (1868–1876 гг.) // *Право — явление цивилизации и культуры*. М., 2021. Вып. 3. С. 448–454.

³⁴ См. подробнее: Тухтаметов Т. Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX в. С. 68; Он же. Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. С. 54.

³⁵ См.: Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н. Формирование политики модернизации имперских окраин России в конце XIX в.: предложения и проекты А. С. Ермолова // *Журнал фронтирных исследований*. 2020. Т. 5, № 4 (20). С. 113, 114.

³⁶ См.: Norman H. Op. cit. P. 287.

³⁷ См.: Olufsen O. The emir of Bokhara and his country. Journeys and studies in Bokhara (with a chapter of my voyage on the Amu Darya to Khiva). London, 1911. P. 575.

³⁸ См., напр.: Curtis W. E. Op. cit. P. 124.

³⁹ См. подробнее: Ниязатов М. Указ. соч. С. 227.

Roman Yu. Pochekaev

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, National Research University Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: rpochekaev@hse.ru

THE 1873 TREATIES OF THE RUSSIAN EMPIRE WITH THE KHANATE OF KHIVA AND THE EMIRATE OF BUKHARA: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

The article devoted to specific features of relations of the Russian Empire with the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva on the base of treaties signed in 1873, which are considered to fix the status of these Central Asian polities as Russian protectorates. The author examined preconditions of signing of these treaties, analyses the treaties of Russia with Khiva and Bukhara, gives a formal legal characterization of their form and content. The article is an attempt to explain the reasons of including by Russian authors in these treaties of specific statements which were to provide the control of the Russian Empire under the policy of the khanates in different areas as well as further practical implementation of these statements. Sometimes these reasons are not so obvious and it makes the author analyse not only literal sense of treaties, but also their “spirit”, i. e. implication within the context of Russo-Bukharan and Russo-Khivan relations before and after the establishment of the protectorate. The analysis of historical sources (legal acts, another official documents, contemporary testimonies, periodicals) and the results of previously made research allows the author to conclude that relations of the Russian Empire with authorities of Bukhara and Khiva were a complex of activities within the policy of the frontier modernization with due regard for specific features of political-legal and social-economical position of the khanates and intricate international situation as well as contradictions of different authorities in the Russian Empire itself.

Keywords: *Russian Empire, frontier modernization, Emirate of Bukhara, Khanate of Khiva, protectorates, international treaties, Great Game, K. P. von Kaufman*

REFERENCES

- Allaeva N. A. *Istoriya vneshnikh svyazey Khivinskogo khanstva v XVI — 70-kh godakh XIX v.: Avto-ref. dokt. diss.* [The history of external relations of the Khiva Khanate in the 16th — 70s of the 19th century: Abst. Diss. Doc.]. Tashkent, 2019. (in Russ.).
- Asanova S. A. [Orenburg and Samara Governor-General A. A. Katenin and his view on the prospects for interaction in the Kyrgyz-Turkmen border]. *X Bol'shakovskiye chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kul'turnyy fenomen: sb. statey nauch.-prakt. konf.* [10th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: collection of articles of sci. and pract. conf.]. Orenburg: OGPU Publ., 2020, vol. 1, pp. 67–71. (in Russ.).
- Becker S. *Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968. (in English).
- Chernov O. A. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' i istoricheskiye vzglyady N. V. Charykova* [Diplomatic activity and historical views of N. V. Charykov]. Samara: Izd-vo PGSGA Publ., 2010. (in Russ.).
- Glushchenko E. A. *Rossiya v Sredney Azii. Zavoyevaniya i preobrazovaniya* [Russia in Central Asia. Conquests and transformations]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010. (in Russ.).
- Khalfin N. A. *Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-ye gody XIX v.)* [Accession of Central Asia to Russia (60–90s of the 19th century)]. Moscow: Nauka Publ., 1965. (in Russ.).
- Kovalskaya S. I. [Diplomatic institutions in the Central Asian region in the 18th–19th centuries: to the historiography of the issue]. *Tsentr'naya Aziya na perekrestke evropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: Sb. nauch. trudov mezhdunar. seminara* [Central Asia at the crossroads of European and Asian political interests: 18th–19th centuries: Collection of sci. papers of the international seminar]. Moscow: Onto-Print Publ., 2019, pp. 197–212. (in Russ.).
- Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M. [The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontery Modernization]. *Bylyye Gody* [Bylye Gody — Russian Historical Journal], 2017, vol. 46, iss. 4, pp. 1480–1487. DOI: 10.13187/bg.2017.4.1480 (in Russ.).
- Niyazmatov M. *Poisk konsensusa. Rossiysko-khivinskiye geopoliticheskiye otnosheniya v XVI — nachale XX v.* [Searching for consensus. Russian-Khivan geopolitical relations in the 16th — early 20th century]. Saint Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ., 2010. (in Russ.).

- Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867–1917: A Study in Colonial Rule*. Berkeley: University of California Press, 1960. (in English).
- Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).
- Poberezhnikov I. V. [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variants]. *Tsivilizatsii* [Civilization]. Moscow: Nauka Publ., 2015, vol. 10, pp. 179–200. (in Russ.).
- Pochekaev R. Yu. [Evolution of role of the head of the Amu-Daria military section in the Russian-Khivan relations of the last quarter of 19th – beginning of 20th cc]. *Voprosy pravovedeniya* [Problems of jurisprudence], 2015, no. 6 (34), pp. 299–321. (in Russ.).
- Pochekaev R. Yu. [Legal status of the Kokand Khanate under the protectorate of the Russian Empire (1868–1876)]. *Pravo – yavleniye tsivilizatsii i kul'tury* [Law is a phenomenon of civilization and culture]. Moscow: RUDN Publ., 2021, iss. 3, pp. 448–454. (in Russ.).
- Pochekaev R. Yu. [Trade treaties of Russian and British empires with Yattishar: historical and legal study]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [RUDN Journal of Law], 2021, vol. 25, no. 3, pp. 527–544. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-3-527-544 (in Russ.).
- Pochekaev R. Yu. *Rossiyskiy faktor pravovogo razvitiya Sredney Azii: 1717–1917 (yuridicheskie aspekty frontirnoy modernizatsii)* [Russian factor of legal development of Central Asia: 1717–1917 (juridical aspects of frontier modernization)]. Moscow: ID VHsE Publ., 2020. (in Russ.).
- Rossiyskaya diplomatiya v portretakh* [Russian diplomacy in portraits]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1992. (in Russ.).
- Sadykov A. S. *Ekonomicheskiye svyazi Khivy s Rossiyey vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Economic relations of Khiva with Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Tashkent: Nauka Publ., 1965. (in Russ.).
- Sergeev E. Yu. *Bol'shaya igra, 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [The Great game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow: Tov-vo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2012. (in Russ.).
- Tukhtametov T. G. *Amudar'inskiy otdel (Sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye znacheniya dlya Khorezmskogo oazisa)* [Amudarya department (Socio-economic and political significance for the Khorezm oasis)]. Nukus: Karakalpakstan Publ., 1977. (in Russ.).
- Tukhtametov T. G. *Rossiya i Khiva v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Khorezmskoy narodnoy revolyutsii* [Russia and Khiva in the late 19th – early 20th century. The victory of the Khorezm people's revolution]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).
- Tukhtametov T. G. *Russko-bukharskiye otnosheniya v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Bukharskoy narodnoy revolyutsii* [Russian-Bukhara relations in the late 19th – early 20th century. The victory of the Bukhara people's revolution]. Tashkent: Fan Publ., 1966. (in Russ.).
- Vasiliev D. V. [Organizer of the Turkestan region (to the biography of K. P. von Kaufman)]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Moscow: Russkaya panorama Publ., 2002, vol. 5 (153), pp. 45–57. (in Russ.).
- Vasilyev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [The burden of the Empire. Russian administrative policy in Central Asia. Second half of the 19th century]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2018. (in Russ.).
- Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V., Shumkin G. N. [Formation of modernization policy of Russian Empire's peripheries at the end of the 19th century: proposals and projects by Alexey Yermolov]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2020, vol. 5, no. 4 (20), pp. 106–126. DOI: 10.46539/jfs.v5i4.239 (in Russ.).

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Договоры Российской империи с Хивинским ханством и бухарским эмиратом 1873 г.: опыт историко-правового анализа // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177.

For citation: Pochekaev R. Yu. The 1873 treaties of the Russian Empire with the Khanate of Khiva and the Emirate of Bukhara: a historical and legal analysis // Ural Historical Journal, 2022, no. 4 (77), pp. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177.